

М. А. Фельдман

**ВЕТЕР С ВОСТОКА: ЧТО ОН ПРИНЕСТ РОССИИ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ А. В. ПАНЦОВА
«ДЭН СЯОПИН». М., 2013)**

Аннотация: Статья в форме рецензии на книгу А. В. Панцова «Дэн Сяопин» (М., 2013) посвящена истории реформ в КНР – страны, разделяющей с США мировое промышленное первенство, сквозь призму жизни Дэн Сяопина, признанного во всем мире великим реформатором, выдающимся руководителем и «создателем теории построения социализма с китайской спецификой». Известна и собственная самооценка Дэна: положительное и отрицательное в своей жизни Дэн сопоставил как 50 к 50. Результатом реформ стала постоянно меняющаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности. Почти четыре десятилетия китайских реформ, казалось бы, дают основания для исключительно положительной оценки модернизации у нашего восточного соседа. Но монополия одной партии, власть сохранения авторитарного правления несут множество рисков, в том числе непредсказуемые последствия режима личной власти и борьбы политических элит.

Ключевые слова: китайская цивилизация, саморегуляция, опыт конвергенция, монополия партии, власть, авторитарное, Дэн-реформатор.

Michael A. Feldman

**THE WIND FROM THE EAST: WHAT WILL IT BRING TO
RUSSIA OF THE 21ST CENTURY? (THOUGHTS ON
A. PANTSOV'S "DENG XIAOPING". MOSCOW, 2013)**

Abstract: The article, in the form of book review on A. V. Pantsov's "Deng Xiaoping". (Moscow, 2013.), is dedicated to the history of reforms in China the country, sharing with US global industrial supremacy through the prism of the life of Deng Xiaoping, recognized around the world as a great reformer, an outstanding Director and "the Creator of the theory of building socialism with Chinese characteristics". Known and self-esteem Dan: positive and negative in my life Dan cross-referenced as 50 to 50. A result of the reforms was the constantly changing economic mixed system involving mechanisms of self-development in the form of the right to personal initiative in any economic form and regulation on top of regulatory, fiscal and Supervisory activities. Nearly four decades of Chinese reforms, it would seem, give rise to an overwhelmingly positive response to the modernization of our Eastern neighbor. But the monopoly of a single party government is the preservation of authoritarian rule carry many risks, including the unpredictable consequences of a regime of personal power and struggle of the political elites.

Key words: Chinese civilization, self-control, experience convergence, monopoly party, authority, authoritarian, Deng-reformer.

Что подтолкнуло в 1978 г. ветерана компартии Китая 74-летнего политика Дэн Сяопина к началу реформ, позволивших в XXI веке превратить КНР в «промышленную мастерскую» мира? Реформ, идущих по нарастающей вот уже 39 лет и обладающих механизмами саморазвития.

Книга А. В. Панцова «Дэн Сяопин» тот самый случай, когда биография человека становится зеркалом истории огромной страны. Но глядя в это зеркало, замечаешь и то, что скрывали другие зеркала.

Мальчик из семьи сельских интеллигентов имел мало шансов продвинуться в императорском Китае, хотя в роду были случаи появления обладателей ученых степеней (лиц, сдавших определенные экзамены уездного, провинциального и даже государственного уровня) [1, с. 15]. Китайская традиция уважения к грамотности далеко не всегда предполагала продвижение обладателей ученых степеней по чиновничьей лестнице.

Китайская традиция уважения к памяти предшествующих поколений далеко не всегда проявлялась во времена революционных потрясений. Отец Дэна – средний землевладелец средней руки, имел прозвище «Дэн Цивилизованный»; был неплохо образован, закончив начальную школу и училище юридических и политических наук; хорошо знал китайскую классику и древние каноны. Эти знания он сумел передать сыну [1, с. 20–21].

Можно было разорвать отношения с родителями (как это и случилось у Дэн Сяопина), но заложенные в детстве правила жизни становились частью менталитета. «Морально-этические заповеди древнекитайской философии не находили отклика в душе Дэна, как и в душах многих других будущих революционеров Китая [1, с. 21]» – отмечает Панцов – но заповеди конфуцианства могли откладываться и в подсознании. Частое употребление Дэном и другими китайскими марксистами примеров из китайской древней поэзии позволяет интерпретировать текст и его компоненты как своеобразную репрезентацию социокультурных практик.

Характерно, что в 1950 г., после победы компартии в Гражданской войне, Дэн «неожиданно проявил горячие родственные чувства ко всем членам семьи. Казалось, Дэн расплачивался за долгие годы невнимательного отношения к ним». Братья и сестры были выведены от грозившего им «раскулачивания», получили благодаря Дэну чиновничьи должности в органах власти.

Отец Дэна сочувствовал китайским либеральным реформаторам начала XX в. [1, с. 24] – возможно, это отозвалось у сына в 1978 г., после долгой полосы левачьих экспериментов.

Революция 1912 г. выдвинула отца Дэн Сяопина в деятели уездного масштаба. Тяга к знаниям отца вылилась в решение отправить сына во Францию на учебу и работу. Тяжелый труд по 10 часов на предприятиях Франции, плохое питание в заводской столовой, жалкая зарплата в 300 франков, невозможность оплачивать учебу в колледже – все это способствовало созреванию антикапиталистических настроений. Пять лет жизни во Франции обогатили юношу знанием жизни европейских низов, связали с коммунистическим движением [1, с. 36–52]. Частая смена мест работы, фрагментарная учеба – классический портрет коммуниста первых десятилетий XX века. Знание многих жизненных реалий, как правило, сочеталось с утопическими представлениями о путях переустройства мира и отсутствием системного образования.

Год жизни в СССР (январь 1926 – январь 1927 гг.) пришелся на «расцвет нэпа», познание воочию успехов многоукладной экономики «страны социализма»

знакомство с трудами Н. И. Бухарина [1, с. 53–65]. В 22 года не каждому современнику Дэн Сяопина удалось не понаслышке узнать мир традиционного Китая, послевоенной Европы, СССР.

Долгий период жизни – более чем два десятилетия (1927–1949 гг.) стали временем участия в длительной Гражданской войне в Китае, выполнения догматичных сталинских директив и поддержки крайне левых идей Мао Цзэдуна. Роль умелого организатора, обладающего поразительной энергией, и верного сподвижника Мао [1, 124-134, 171-176, 193], любимца «великого кормчего», принесшая Дэн Сяопину место в высшем кругу китайских коммунистов и руководителей КНР, казалось гарантирует невозможность любых отклонений от ортодоксального марксизма. Любопытна характеристика, данная Дэнун самим Мао в Москве в беседе с Хрущевым в ноябре 1957 г.: «это будущий вождь, лучший из моих соратников, главная растущая сила <...>. Это человек и принципиальный, и гибкий, редкий талант». [1, с. 231].

Но в Дэн Сяопине жила и та черта китайского прагматизма, которую в 1978 г. в своей статье кратко выразит один из крупнейших военачальников Китая – маршал Е Цзяньин: «Практика – критерий истины» [1, с. 391].

Провал «большого скачка» в конце 1950-х гг. показал истинную цену волюнтаристским методам развития экономики. Сдержанная критика Дэном курса Мао [1, с. 263], поддержка семейного подряда в китайской деревне обернулись в годы «культурной революции» четырехлетней ссылкой, унижениями самого недавнего генерального секретаря ЦК КПК и членов его семьи; а также вынужденным «покаянием» перед вождем. У Дэна было время для размышления о трагических судьбах его товарищей – стареющих ветеранов китайской революции и первых итогах строительства нового общества. Возвращение Дэна к политической жизни в 1973 г. стало следствием очевидной растерянности Мао трагическими последствиями «культурной революции» для экономики КНР.

Смерть Мао в 1976 г. обернулась тем, что правящей партии потребовался известный, опытный и энергичный, харизматичный политик, способный вывести страну из экономического хаоса [1, с. 356–362]. При слабом и непопулярном у политической и военной элиты преемнике Мао – Хуа Гофэне – Дэн Сяопин становится одним из лидеров КПК. Характерная черта политической жизни после ухода авторитарного вождя – окончательный выбор сделало руководство армии: фактическим главой партии и государства стал Дэн. Пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. только оформил ведущую роль Дэна в руководстве КНР [1, с. 372].

В книге А. В. Панцова мастерски показано как медленно, непоследовательно и все-таки поступательно шла эволюция взглядов Дэн Сяопина. С весны 1978 г. Дэн Сяопин ратовал за перевод предприятий на хозрасчет и усиление роли хозяйственных руководителей, за переход к политике открытости внешнему миру и заимствования импортной техники. Автор обращает внимание на то, что за густой завесой ссылок на положения марксизма и отдельные высказывания ушедшего Мао фактически Дэн в какой-то мере использовал исторический опыт политики «самоусиления» проводившейся правителями Поднебесной в 1861–1894 гг. [1, с. 368–369].

Вскоре последовали призывы к расширению демократии в экономической сфере, против излишнего централизма, за выявление активности трудящихся и восстановления принципа материальной заинтересованности. А. В. Панцов тонко подмечает: признавалась только «управляемая демократия» и направленная «сверху», против конкретных лиц [1, с. 376–377, 393].

В течение всего 1978 г. Дэн Сяопин выступал за привлечение иностранного капитала и создание смешанных предприятий в интересах китайской экономики: курс, традиционный для Китая и ставший понятным массам. «Ускоренная модернизация страны – главное дело партии» – раз за разом принимали решения партийные форумы. Таким образом, фиксирует автор, в 1978 г. КПК перенесла центр тяжести в своей работе с пропаганды классовой борьбы на экономическое строительство [1, с. 372]. Места для догматизма становилось все меньше.

Но это было только начало. Голод в деревне (голодало в 1978 г. 250 млн. крестьян!) породил масштабное недовольство коллективизацией. Дэн поддержал переход крестьян на семейный подряд сначала в одном уезде, затем – в одной провинции и только после этого – по всей стране. Раздел земли между крестьянами и переход на семейный подряд противоречил прежнему курсу КПК в деревне, но именно этот шаг, пусть и на короткий период, помог в ряде провинций страны еще в 1962 г. при поддержке Дэна, преодолеть последствия большого скачка в деревне [1, с. 390, 399–400]. Поддержав движение к реформам «снизу», Дэн продемонстрировал готовность к переменам. Историк может увидеть в этом возвращение к апробированному методу. Политолог – умение разглядеть в движении народных масс точку опоры реформ.

Следующим шагом стало привлечение капиталов иностранцев для совместных предприятий. Панцов указывает на стремительность действий китайского руководства: 15 июля 1979 г. было принято решение ЦК КПК и Госсовета КНР организовать на границе с Гонконгом и Макао «особые районы» для привлечения капиталов из-за границы, создававшиеся как «рыночные анклав в по-прежнему социалистической китайской экономике», а уже 26 августа 1979 г. официально были открыты четыре «особых района» (особых экономических района), отметившихся бурным развитием за счет капиталовложений соотечественников за рубежом (хуацяо) и благодаря деловой активности японцев и европейцев [1, с. 407]. За такой стремительностью стояла как энергия и настойчивость китайского лидера, так и понимание того, что без постоянного контроля и регулирования даже детально разработанная экономическая реформа не сдвинется с места.

Успехи внедрения семейного подряда в деревне стали основой для перемен в городе. Начиная с 1980 г. разрешение индивидуального и мелкого предпринимательства (поначалу не более семи рабочих!) решило многие проблемы: от трудоустройства десятков миллионов молодых людей, бежавших из голодающих деревень, до наполнения рынка товарами и услугами. В Китае начался бум в сфере бытового обслуживания населения: мелкие частные ресторанчики, обувные и пошивочные мастерские, парикмахерские и тому подобные предприятия стали расти как грибы [1, с. 405].

Одновременно был взят курс на привлечение капиталов для строительства частных предприятий и широкое использование опыта бывших торговцев и промышленников, «раскулаченных» в 1950-е гг. Как опытный политик Дэн подчеркивает Панцов, столь резкую смену курса облек в понятную любому китайцу форму правил и понятий учения Конфуция. «Управление на основе правил и долга», согласно Конфуцию, означало отказ от утопий и прагматизм во всем [1, с. 406].

Относительно модернизации такой подход означал изучение опыта предшественников и внимание к мнению ученых. Еще в июле 1979 г. при поддержке Дэна был создан Институт марксизма-ленинизма и идей Мао, приступивший к серьезному изучению югославского и венгерского опыта строительства социализма, но главное внимание сотрудники института стали уделять большевистскому нэпу, причем в первую очередь – трудам Н. И. Бухарина [1, с. 410].

Китайская делегация обществоведов приняла участие в международной конференции, посвященной теоретическому наследию Н. И. Бухарина, организованной компартией Италии, что, в свою очередь, дало импульс проведению в сентябре 1980 г. Всекитайского научного симпозиума, посвященного роли Н. И. Бухарина в развитии марксистской теории. Был образован Всекитайский научный совет по изучению его работ, символично занявший весь верхний этаж Пекинской высшей школы [1, с. 411].

Оперативно были изданы два сборника статей Н. И. Бухарина, в которые вошли и 37 зарубежных переводных работ о жизни и творчестве советского теоретика-экономиста. Огромный интерес к его теоретическому наследию в Китае был вызван тем, что в своих статьях Бухарин писал о начальной стадии социализма, ратовал за гармоничное сочетание планового и рыночного регулирования, отмечал богатый потенциал нэповской экономики [1, с. 412–413].

Созвучность идей Н. И. Бухарина, практики советского Нэпа (запечатлевшейся в памяти молодого Дэна в период жизни в Москве) действиям лидера КНР на рубеже 1970–1980-гг. – была очевидна. В 1985 г. Дэн признал, что «наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР» [1, с. 413].

Жаль, что это высказывание, видимо, не знакомо тем отечественным историкам, которые характеризуют нэп как «неэффективную модель для решения модернизационных задач» и «вариант стагнации» [2, с. 18–20] и, по сути, соглашается с альтернативностью сталинского варианта развития СССР с конца 1920-х гг.

Поддержку со стороны Дэна получил и тезис Н. И. Бухарина о том, что «рыночная экономика не является синонимом капитализма». Но если Бухарин рассматривал нэп и рыночную экономику как характеристики «переходного периода», Дэн Сяопин понимал сочетание плана и рынка как явление, присущее социалистическому обществу [1, с. 414].

В 1980-е гг. Китай вступал с надеждой взять все лучшее из опыта мировой капиталистической экономики и практики стран социалистического лагеря. Результатом должна была стать (и стала!) постоянно меняющаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

Поддерживая и стимулируя воскрешение Бухарина – главного теоретика нэпа (за десять лет до аналогичных событий в СССР), Дэн Сяопин поддержал и осуждение сталинских репрессий. *При этом у китайского лидера хватило мудрости отделить сталинскую карательную практику от всего опыта советской эпохи.*

Панцов совсем не идеализирует Дэн Сяопина. Он пишет, что под давлением Дэна, вопреки сопротивлению части руководства армии, в феврале 1979 г. началась война Китая против Вьетнама, с целью подчинить соседнюю страну указаниям из Пекина. Потери Китая оказались в два с половиной раза выше вьетнамских, выявив серьезные проблемы в качестве подготовки китайской армии. Тем не менее укрепив свой личный контроль над армией, Дэн именно во время короткой войны «утвердил себя как подлинного авторитарного лидера партии и страны» [1, с. 386–388].

Своеобразной была критика деятельности Мао. По сути, она была локализована, свернута и заморожена [1, с. 393–395]. Монопольная власть КПК в политической жизни, как и авторитарный диктат самого Дэн Сяопина в руководстве страны и партии, поменявшего за десятилетие трех генеральных секретарей КПК, не подлежали сомнению [1, с. 398–466].

В результате, если верные решения в экономике привели в 1980-е гг. к бурному росту промышленности и сельского хозяйства, очевидному подъему жизненного уровня населения [1, с. 434], то сохранение авторитаризма обернулось подавлением любого инакомыслия и кровавой бойней на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. События на Тяньаньмэнь, обоснованно констатирует Панцов, подорвали авторитет 85-летнего Дэн Сяопина не только в народе, но и в руководстве партии, фактически завершили его карьеру «вождя нации» [1, с. 434]. Похороны реформатора в 1997 г. трудно было назвать многолюдными: большинство пекинцев остались дома [1, с. 478].

Панцов заключает, что время расставило свои оценки. Сегодня большинство населения КНР – страны, разделяющей с США мировое промышленное первенство – считает Дэн Сяопина великим реформатором, выдающимся руководителем и «создателем теории построения социализма с китайской спецификой»¹. Завидная судьба для реформатора, приходит к выводу Панцов, даже если ориентироваться на самооценку человека, изменившего облик Китая [1, с. 481–482].

Завидна и судьба автора, сумевшего через микромир одного человека раскрыть секрет «китайского чуда» и судьба книги, позволяющей через знакомство с соринками в чужом глазу лучше понять проблемы своего зрения.

Дважды СССР был близок к модернизации «социалистического общества: в 1965 г. с началом “косыгинской” реформы был дан импульс развития инициативы предприятий. В годы «перестройки», по документам экономической реформы 1987 г., подобный импульс был дополнен разрешением индивидуального предпринимательства. Характерно, что комиссия М. С. Горбачева – Н. И. Рыжкова, готовящая в 1983–1986 гг. проект экономической реформы в СССР 1987 г., изучала и китайский опыт.

¹ Известна и собственная самооценка Дэна: положительное и отрицательное в своей жизни Дэн сопоставил как 50 к 50.

Однако не хватило не только «своего Дэна». Широкомасштабные чистки обществоведов и экономистов в нашей стране и в сталинскую эпоху, и в 1970-е гг. обернулись консервацией представлений о «зловредности» рыночной экономики в высшем руководстве и в академическом мире. Принятая с опозданием на полтора десятилетия, экономическая реформа 1987 г. была пущена на самотек в силу слепой веры советского лидера в возможности директивного метода управления. Путь прозрения, по которому пройти должны были мы, путь обновления и спасения СССР – оказался закрытым.

Влияние достижений китайской цивилизации на жизнь ближних и дальних соседей в древности и в средние века – факт широко известный. Сумеет ли наша страна взять на вооружение китайский опыт «конвергенции двух систем» опыт запуска механизмов саморегуляции [3]? Или китайский компас окажется ненужным? Сумеем ли за китайскими технологиями создания высокоскоростных магистралей увидеть национальную идею постоянного движения вперед, к торжеству первого принципа конфуцианства – победе разума?

Почти четыре десятилетия китайских реформ, казалось бы, дают основания для исключительно положительной оценки модернизации у нашего восточного соседа. Однако монополия одной партии власть сохранение авторитарного правления несут множество рисков, в том числе непредсказуемые последствия режима личной власти и борьбы политических элит [4].

Реформаторский опыт Дэна остается «священной коровой» для лидеров КНР. Но что принесет практика авторитарного правления, подкрепленная растущей военной мощью?

Литература

1. Панцов А. В. Дэн Сяопин. (серия ЖЗЛ). М. : Молодая гвардия, 2013. 558 с.
2. Сенявский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М. : РОССПЭН, 2006. С. 5–25.
3. Кива А. В. Что могла бы Россия позаимствовать из опыта реформ в Китае // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 104–116.
4. Михеев В., Луконин С., Чжэ С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т.60. № 10. С. 5–16.

References

- Kiva, A.V. (2016). Chto mogla by Rossiia pozaimstvovat' iz opyta reform v Kitae [What Russia Could Borrow from Experience of Reforms in China]. In *Novaia i noveishaia istoriia*, no 5, pp. 104–116.
- Mikheev, V. V., Lukonin S. A., Jen, S. (2016). Kitai: rezhim lichnoi vlasti i novaia piatiletka [China: Personal Power Regime and New Five-Year Plan]. In *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 60, no. 10, pp. 5–16.
- Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping (seriia "Zhizn' zamechatel'nykh liudei")* [Deng Xiaoping (Series "Life of Remarkable People")]. 558 p. Moscow, Molodaia gvardiia.
- Seniavskii, A. S. (2006). NEP: sovremennye podkhody i perspektivy izucheniia [New Economic Policy: Modern Approaches and Perspectives of Research]. In *Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty (opyt sistemnogo analiza)*. M, ROSSPEN, pp. 5–25.

The article was submitted on 24.04.2017